

МОЛИТВА КАК АСПЕКТ ЧУЖЕРОДНОСТИ ЧЕЛОВЕКА ФИЗИЧЕСКОМУ БЫТИЮ

Научная статья

Храмешин С.Н.^{1*}

¹ ORCID : 0000-0002-1074-0649;

¹ Славяно-Греко-Латинская Академия, Москва, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (profes.inter[at]gmail.com)

Аннотация

В современном мире тенденции к дехристианизации стали весьма заметными. Религия для большинства людей не является фундаментальной составляющей жизни, стало быть, не каждый человек признаёт в религиозных практиках смысл. Между тем таковой велик и на примере молитвы в этой статье будет показана важность религии для человека, её наполнение духовной активностью. Молитва, являя один из примеров религиозной жизни, свидетельствует об уникальности человеческого бытия, его фундаментальной онтологической отличимости. Молитва, будучи наиболее доступной из всех видов религиозных практик, подчёркивает метафизическую составляющую бытия человека. В молитве находит частная форма выражения смысла жизни человека (согласно христианскому вероучению). Речь идёт о теозисе, достигаемым посредством личного нравственного развития, а также религиозных практик, включая молитву. В статье делается вывод, согласно которому для человека молитва имеет глубокий антропологический и онтологический смысл.

Ключевые слова: религия, молитва, человек, духовность, бытие.

PRAYER AS AN ASPECT OF HUMAN ALIENATION TO PHYSICAL BEING

Research article

Khrameshin S.N.^{1*}

¹ ORCID : 0000-0002-1074-0649;

¹ Slavic Greek Latin Academy, Moscow, Russian Federation

* Corresponding author (profes.inter[at]gmail.com)

Abstract

In today's world, tendencies towards de-Christianisation have become very visible. Religion is not a fundamental part of life for most people, so not everyone recognizes the meaning of religious practices. Meanwhile, there is a lot of it, and this article will show the importance of religion for a human being, filling it with spiritual activity on the example of prayer. Prayer, being one of the examples of religious life, testifies to the uniqueness of human existence, its fundamental ontological distinctiveness. Prayer, being the most accessible of all types of religious practices, emphasizes the metaphysical component of human existence. Prayer is a particular form of expression of the meaning of human life (according to Christian doctrine). It is about theosis, achieved through personal moral development as well as religious practices, including prayer. The article concludes that prayer has a profound anthropological and ontological meaning for people.

Keywords: religion, prayer, man, spirituality, being.

Введение

В современном мире религиозная жизнь не столь широко охватывает общество, как несколько столетий назад. Немало людей не видят смысла в духовной жизни, в частности в молитве. Между тем издревле молитва наполняла жизнь людей, обогащала их мышление, выводила лексический набор за пределы бытовой культуры. Целью данной статьи является детекция семантических реперов молитвы, обоснование её экзистенциального назначения относительно человека.

Основные результаты

Молитва есть уникальный феномен духовно-религиозной жизни человека. С одной стороны, речь идёт о частной форме богослужения, но, с другой стороны, молитва есть аспект духовного роста личности. Как отмечал В.С. Соловьёв, молитва есть первое свидетельство тому, что в человеке есть религиозная вера [9, С. 137]. При этом спецификой молитвы является её отстранённость от ценностей естественного материального бытия, молитва по своей сути метафизична. Конечно, в молитве человек может просить о материальном благе, о хлебе насущем, но это вторично относительно духовного назначения молитвы. Причём этот её аспект указывает на важную философско-антропологическую черту – чужеродность человека миру материи, или, говоря в русле платонизма, сенсительного бытия. Молитва не приносит материальной пользы, с позиции атеистического мировоззрения, молитва иррациональна, абсурдна, так как при временных затратах не даёт практической выгоды. Однако уместно ли мыслить человека сугубо в категориях прагматизма. Беря во внимания воззрения философа-экзистенциалиста Альбера Камю, бытие человека в данном мире абсурдно само по себе. Мыслитель пишет: «Будь я деревом или животным, жизнь обрела бы для меня смысл. Вернее, проблема смысла исчезла бы вовсе, так как я сделался бы частью этого мира» [4, С. 258]. Однако человек в этом мире обречён быть бунтарём; личность, стремящаяся к духовному благочестию, не потерпит клеветы, растленности, бесчестья... наконец, того факта, что в сем мире всякая жизнь конечна, смертна. В мире, где человек осуществляет своё бытие, господствуют природные законы, которые неумолимы. «Что такое закон? – спрашивает Дмитрий Мережковский. – Вечное повторение одного и того же, отражение логического тождества в естественной необходимости – механике. Главный и даже единственный закон безличной природы, естественной необходимости, – уничтожение личности – смерть» [7, С. 41]. Действительно, законы природы, как и она сама, безлики, их невозможно

молить, упрашивать, их нельзя даже подкупить. Мир, в котором человек живёт, онтологически ему чужд и даже враждебен. Однако молитва раскрывает для человека новые грани бытия, можно сказать, новые горизонты, в которых раскрывается метафизическая сущность человека.

Одна из важных смысловых составляющих молитвы есть очищение души, что уже само по себе понятно верующему человеку, для которого душа не выдуманная абстракция или психическая функция, а составляющая часть повседневной жизни. Между тем нравственная чистота есть важный аспект человеческого бытия. А. Камю в романе «Счастливая смерть» пишет: «Потребность счастья кажется мне самым благородным стремлением человеческого сердца... Только бы сердце было чистым» [5, С. 37]. Да, «только бы сердце было чистым». Молитва как раз и призвана направлять образ жизни и мышления человека к нравственной чистоте, а стало быть, к настоящему счастью.

Одна из составляющих молитвы предполагает её этичность, иначе говоря, содержание молитвы не должно противоречить базовым нормам морали и нравственности. Между тем этические нормы носят глубокий антропологический смысл. В архаичном древнегреческом языке категория *этоса* имеет смысл не только в смысле *нрава, обычая*, но также и *жизля человека*, таким образом, этические нормы могут восприниматься в качестве специфики антропологического бытия. Поскольку молитва этична, то она стоит на защите человеческой природы. Вне морали и нравственности индивид прекращает быть человеком в духовном смысле этого слова. При этом не следует считать, что молитва может ограничиваться этическими нормами, она их охватывает, но значительно превосходит, так как обращена к духовным ценностям, которые сверхэтические. Сергей Булгаков отмечает, что этика присуща религии, без этики таковая вырождается в секту, однако «религия... в целостности своей находится выше морали и потому свободна от неё: мораль существует для человека в известных пределах, как закон, но человек должен быть способен подниматься и над моралью» [1, С. 82]. Поэтому молитва при непротиворечии базовым качествам людей обращена к той форме бытия, которая предрасполагает их к непрерывному развитию. Вопрос перманентности развития человека носит экзистенциальный смысл, поскольку незавершённость антропологического бытия приводит к тому, что последнее страдает при остановке роста. «Религиозному человеку необходимо одухотворяться, очищать, укреплять, углублять и образовывать свой духовный опыт, иначе сила житейских обстоятельств, естественных потребностей... ослабят, исказят и вырождают этого драгоценный опыт и незаметно, из поколения в поколение, приведут его к немощи и разложению» [3, С. 7]. Молитва являет как раз один из путей для обеспечения непрерывности развития, при этом молитва широкодоступна, она не зависит от материального или социального положения человека.

Особо значимо то, что молитва подчёркивает то, что человек готов к некоторым тратам, не назовём это жертвой, но всё-таки человек наполняет своё время той активностью, которая не приносит материальной выгоды, при этом подчёркивая то, что он, прежде всего, духовное существо и трудится не ради биологического выживания, а ради духовного преумножения. Примечательно, что, обращаясь к религиозной жизни людей, мы видим её выражение в форме избыточности. Храмовое пространство обычно больше, чем в жилых домах, так как для бытовой жизни человека нет смысла возводить высокие стены с широкими сводами. Однако религиозное богослужение предрасполагает к избыточности, выходящей за пределы земной рациональности. Примечательно, что от цивилизаций Древнего мира сохранились преимущественно не здания бытового назначения, а храмовые комплексы. Молитва также выходит за грани традиционно понимаемой рациональности. С точки зрения формальной логики, нет смысла в многочисленных повторениях. Однако эти повторы обращены и к форме богослужения, и к наполнению духовного мира человека добрыми помыслами и устремлениями к благу. Молитвенные повторения организуют духовную жизнь человека так, что предрасполагает его образ и жизни, и мышления к благочестию. Благочестие же обращено не только к социальной полезности, но и формированию внутренней личности, в которой духовные ценности не зависели бы от внешних факторов. Ту будут уместны слова С.Н. Булгакова: «Тайна и есть трансцендентное, она может приоткрываться лишь в меру вхождения трансцендентного в имманентное, актом самообнаружения трансцендентного» [1, С. 55]. Молитва способствует своеобразному вхождению трансцендентного человеку того, что становится ему родным, свойственным не по естественной природе, а по духовному состоянию. Молитва обеспечивает преодоление индивидом границ физического, рационального бытия, предрасполагая к его человеческой жизни в её религиозном понимании.

Здесь важно остановиться на том, как мыслится человек, в чём смысл его жизни согласно христианскому вероучению. В христианстве человек сам по себе не считается самоценностью. «Далеки от истины те, кои поставляют последней целью человека самого же человека, какими бы пышными названиями они ни украшали её, развитием, например, духовных сил или стремлением к усовершенствованию. При такой цели люди разъединяются заботою только о себе и привыкают всё обращать в средство, не исключая даже Самого Бога...» [9, С. 54-55]. Чтобы жизнь имела смысл «необходимы два условия: существование Бога и наша собственная причастность Ему» [12, С. 54]. Смысл человеческого бытия в христианстве мыслится в категории теозиса (обожение). «Западные богословы уделяют лишь самое поверхностное внимание тому, каково значение *теозиса* в духовных исканиях и построениях Православной церкви. Несмотря на главенство этой темы в вероучительных системах почти всех греческих отцов от Иринея до Иоанна Дамаскина, на английском языке, например, по ней не существует ни одной монографии. Самобытную православную сотериологию, выраженную в терминах *теозис*, или *теопойесис*, западный человек... воспринимает как нечто странное, если не явно еретическое» [2, С. 35]. Именно в обожении мыслится смысл жизни человека, но достигается таковой через личное благочестие, доброе отношение к людям, участие в церковных Таинствах, а также через пост и молитву. «Границы природы человека в православной антропологии не ограничиваются сугубо человеческой природой, ибо её полнота мыслится в смысле духовной связи с Богом, стало быть, наполняются не в пределах естественно-физического мира, а лишь при вхождении в божественный мир, достигаемый по мере теозиса» [8, С. 45]. В.С. Соловьёв не случайно уделял молитве особое внимание, так как в его философско-антропологических воззрениях человек характеризуется тремя качествами: добротой, стыдом и благоговением. Причём доброта и стыд являют собой некую базу, которая обязательно нужна, но сама по себе не обеспечивает полноценное развитие личности. Подобно фундаменту, без которого невозможен полноценный дом, но сам по себе фундамент домом не является. Именно в достижении благоговения, носящего религиозный смысл,

молитва имеет весомое значение. В учении В.С. Соловьёва провозглашается стремление построить Царствие Божие на земле, что Церковью рассматривается как утопический проект, однако общий посыл здесь правильный. Для человека, который стремится к обожению, к стяжанию Святого Духа, молитва обязательна.

Человеческое бытие реализуется через молитву, причём в современный век высоких технологий это становится особенно заметным. Так, чат-бот GPT не может дать ответа на вопрос, способен ли он молиться, так как искусственному интеллекту на данный момент времени не свойственна религиозная вера. Только человек, пусть и атеистических взглядов, на вопрос о его отношении к молитве даст адекватный ответ. Верующий не всегда согласится с атеистическим пониманием молитвы, но в любом случае, человек более-менее осознаёт суть молитвы. Подчеркнём: речь идёт о людях как верующих, так и неверующих. Немецкий теолог-протестант XX века Пауль Тиллих подчёркивал, что «в определённом смысле слова любая современная философия является христианской – даже тогда, когда она гуманистическая, атеистическая и намеренно антихристианская. Она христианская в том смысле, что её экзистенциальным основанием является историческое христианство. Ведь ни один из философов, живущих внутри западнохристианской и восточнохристианской культуры, не посмеет отрицать своей зависимости от этой культуры, подобно тому, как ни один греческий философ не мог бы скрыть своей зависимости от аполлоновско-дионисийской культуры – даже в том, случае если он напрочь отвергал богов Гомера и Гесиода» [6, С. 42]. Подчас человек, высказывающий мнение о ненужности молитвы, ждёт не согласия, а аргументированного, тактичного, доброго выражение иного мнения, которое его переубедило бы. «Даже в антирелигиозных, атеистических... образах и высказываниях экзистенциалистов присутствует предельная религиозная заинтересованность» [11, С. 374]. Молитва в своём общем виде осознаётся каждым человеком, безотносительно характера мировоззрения, парадигмы культуры, в которой он живёт. Молитва по сути архетипичная и характеризует исключительно человеческое бытие.

Заключение

В качестве вывода данной статьи мы можем констатировать то, что молитва обладает важным экзистенциальным смыслом для человека, подчёркивая уникальность его бытия и обеспечивая непрерывность духовного роста. В молитве выражается один из способов стяжания Святого Духа и, следовательно, теозиса, который, согласно христианскому вероучению, составляет смысл жизни человека. Молитва сама по себе не обязательно связана с материальными благами, хотя о них человек может и просить, но она подчёркивает метафизическую устремлённость человека, его умение посвящать своё время тем практикам, которые не связаны с бытом или прагматичными мотивами. В молитве не следует искать рационального меркантилизма, ибо она обращена к устройению духовной жизни личности. Таким образом, в контексте философской антропологии и онтологии молитва имеет важное семантическое наполнение, причём не столько сама по себе, сколько в её обращённости на содействие человеческому развитию. Вне молитвы невозможно говорить о живой религиозной традиции, пока человек молится, мы можем созерцать духовную жизнь и говорить о продолжении традиций религиозной культуры общества.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Булгаков С.Н. Свет Невечерний: Созерцания и умозрения / С.Н. Булгаков. — М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2001. — 672 с.
2. Зайцев Е. Учение В. Лосского о теозисе / Е. Зайцев. — М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2007. — 296 с.
3. Ильин И.А. Аксиомы религиозного опыта / И.А. Ильин. — М.: АСТ, 2002. — 586 с.
4. Камю А. Миф о Сизифе. Эссе об абсурде / А. Камю // Сумерки богов. — М., 1990. — с. 222-318.
5. Камю А. Счастливая смерть / А. Камю. — М.: Фабр, 1993. — 574 с.
6. Лифинцева Т.П. Пауль Тиллих: философия и теология / Т.П. Лифинцева // Философский журнал. — 2009. — № 2(3). — с. 39-48.
7. Мережковский Д. Лица святых от Иисуса к нам / Д. Мережковский. — М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2000. — 496 с.
8. Панищев А.Л. Представления о метафизических границах бытия человека в православном богословии / А.Л. Панищев // Вопросы культурологии. — 2011. — № 5. — с. 43-48.
9. Затворник Ф. Начертания христианского нравоучения / Ф. Затворник. — М.: Издание Афонского Русского Пантелеймоновского монастыря. — 687 с.
10. Соловьёв В.С. Духовные основы жизни / В.С. Соловьёв // Избранные произведения. — Ростов-на-Дону, 1998. — с. 122-275.
11. Тиллих П. Избранное. Теология культуры / П. Тиллих. — М.: Юрист, 1995. — 480 с.
12. Франк С.Л. С нами Бог / С.Л. Франк. — М.: АСТ, 2003. — 750 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Bulgakov S.N. Svet Nevechernij: Sozercanija i umozrenija [Light of the Everlasting: Contemplations and Reflections] / S.N. Bulgakov. — М.: AST; Kharkiv: Folio, 2001. — 672 p. [in Russian]

2. Zajcev E. Uchenie V. Losskogo o teozise [V. Lossky's Doctrine of Theosis] / E. Zajcev. — M.: St Andrew's Biblical Theological Institute, 2007. — 296 p. [in Russian]
3. Il'in I.A. Aksiomy religioznogo opyta [Axioms of Religious Experience] / I.A. Il'in. — M.: AST, 2002. — 586 p. [in Russian]
4. Camus A. Mif o Sizife. Jesse ob absurde [The Myth of Sisyphus. An essay on the absurd] / A. Camus // Sumerki bogov [Twilight of the Gods]. — M., 1990. — p. 222-318. [in Russian]
5. Camus A. Schastlivaja smert' [Lucky Death] / A. Camus. — M.: Fabr, 1993. — 574 p. [in Russian]
6. Lifinceva T.P. Paul' Tilih: filosofija i teologija [Paul Tillich: Philosophy and Theology] / T.P. Lifinceva // Filosofskij zhurnal [Philosophical Journal]. — 2009. — № 2(3). — p. 39-48. [in Russian]
7. Merezhkovskij D. Lica svjatyh ot Iisusa k nam [The Faces of the Saints from Jesus to us] / D. Merezhkovskij. — M.: AST; Kharkiv: Folio, 2000. — 496 p. [in Russian]
8. Panishhev A.L. Predstavlenija o metafizicheskih granicah bytija cheloveka v pravoslavnom bogoslovii [Conceptions of the Metaphysical Limits of Human Existence in Orthodox Theology] / A.L. Panishhev // Voprosy kul'turologii [Issues of Cultural Studies]. — 2011. — № 5. — p. 43-48. [in Russian]
9. Zatzornik F. Nachertanija hristianskogo nravouchenija [Essays on Christian Morals] / F. Zatzornik. — M.: Publication of the Russian Pantheleimon Monastery on Mount Athos. — 687 p. [in Russian]
10. Solov'jov V.S. Duhovnye osnovy zhizni [Spiritual Foundations of Life] / V.S. Solov'jov // Izbrannye proizvedenija [Selected Works]. — Rostov-on-Don, 1998. — p. 122-275. [in Russian]
11. Tilih P. Izbrannoe. Teologija kul'tury [Selection. The Theology of Culture] / P. Tilih. — M.: Jurist, 1995. — 480 p. [in Russian]
12. Frank S.L. S nami Bog [God is with Us] / S.L. Frank. — M.: AST, 2003. — 750 p. [in Russian]